

ЛУЧШИЙ ЭТЮД ТАБАКОВА

Кульбурга. — 1995. — янв. — с. 8

Солнце в зените, облачка, как дамские платочки на голубом атласе, вода в Адриатическом море — ультрамарин, мрамор мостовых, что маникюр у фотодив. Струи фонтанов рождают ветерок, нежно трогающий наши лоснящиеся от лени и солнца лица. Третий день мы в Дубровнике, под легким «шафе» изнываем от счастья. Мы — это артисты «Современника» и я в придачу. А на дворе 1969-й, пятый год застоя, так что скиньте, читатель, всем нам по четверти века.

Ну а Дубровник?..

Возьмите «Алису в стране чудес», «Волшебника Изумрудного города», Рио-де-Жанейро, где мужчины в белых штанах, прибавьте «Городок в табакерке», перемешайте все это, в то, что получится, влейте винту доброго старого фалернского, закройте глаза, вздохните поглубже и... тогда вы, может быть, и вообразите, что такое Дубровник!

Так вот. Мы млеем, разглядываем морских чудищ в громадном аквариуме, флиртуем с очаровательницами всех стран и народов, заполняющими эту сказку, и время от времени отхлебываем фалернского. Может, это кисленькое, что мы пьем, вовсе и не фалернское, да и что такое это фалернское, я, сказать честно, не знаю — вычитал где-то в древнеримской истории.

Но однажды, в этот третий день, посредине мраморной площади, возле фонтана, мы обнаруживаем группу, такую девичью клумбу из полевых цветов далекого Отечества. Бедно, но старательно одетые девочки заняли круговую оборону, жмутся друг к дружке спинками. Глаза испуганные, ждущие не то чуда, не то рас-

платы. Типичная для тех лет профсоюзная группа по льготным путевкам откуда-то из-под Тюмени. Сколочена по незыблемому тогда принципу — простых советских людей побольше, а разных там интеллигентов поменьше. Интеллигенты вопросы задают, чего доброго, от группы отстанут. На три метра.

Наши ребята тут же к соотечественницам, кто, мол, откуда. А вокруг клумбы бегают дядька со сморщенным от ответственности лицом и блокнотом в руке. Все чего-то помечает и пересчитывает пальчиком доверенных ему простых профсоюзных девочек. А ребята наши между тем клумбу окружили и с девочками в разговор вступают — приятно, мол, за тридевять земель землячек встретить. А те еще пушистыми спинками друг к дружке жмутся и на вопросы вроде такого, явно провокационного — откуда вы? — не отвечают. И я вижу, как в их мобилизованных на повышенную бдительность головках прокручивается последний перед временным отрывом от Родины инструктаж. С участием представителя.

— Держаться спокойно. Поодинокне не ходить, лучше по трою. Учите, возможные провокации. Западные спецслужбы вербуют наших людей. Будьте вежливы, но на вопросы о вашем городе или работе не отвечайте. Благодарите, и все. Особенно опасайтесь тех, кто заговорит с вами по-русски. Западные спецслужбы используют бывших пленных, перебежчиков, предателей. Подарков не принимайте, не давайте адресов...

И пока эта фонограмма стучит в их головках телеграфной строкой, наши ребята, хлеб-

нувши фалернского, говорят, подлецы, исключительно по-русски. Рассказывают девочкам байки вроде того, что они из Москвы, что там есть такой театр «Современник»...

А дядька с блокнотом бежит вокруг все быстрее и директивно ласково покрикивает: «Не расходиться, не расходиться!». И бросает на нас дружелюбно враждебные взгляды.

Но природа берет свое — то одна, то другая его подопечная будто невзначай делает полшага вперед и виновато улыбается. От этих полшагов клумба из круглой обращается в овальную и вот-вот упадет на клумбочки. Дядька бежит еще быстрее: «Не расходиться, не расходиться!».

И вдруг мы увидели, как сверху по ступенькам крутой мраморной лестницы спускается Олег Табаков.

Тогда он выглядел юным мальчиком. В театре его любовно называли Лелик. Но тот, что сейчас спускался по лестнице, был зрелый крутогрудый мужчина. Шел штатский с военной выправкой. Мы поняли — сейчас будет. В театре привыкли, что темы этюдов зарождаются в Табакове как бы помимо его желания, а зародившись, тут же исполняются. В эти мгновения Лелик себя не признавал. Им владеет вдохновение.

...Он приближался, чеканя шаг по мраморной мостовой. Он приблизился к девичьей клумбе, улучил момент, когда дядька-надзиратель оказался к нему спиной и тихо, бесшумно, с офицерской дикцией сказал в дядькину спину:

— Товарищ капитан, народ разбегается, что делать будем!

Если бы могучая скала, что выступает над морем метрах в пятидесяти от берега, внезапно рухнула, если бы первобытное летающее чудовище брякнулось со злобным шипением у дядькиных ног, это не произошло бы над ним того действия, свидетелями которого мы стали.

Он сделался белым, он остекленел, его рот задрожал. Он стал медленно всем телом поворачиваться на голос. Из рта его послышалось жалобное:

— Я, мы... я, все... мы...

— Я спрашиваю, что делать будем?

Я глядел на дядьку и читал по строкам пронесившееся в его мозгу:

— Ну вот. Ну вот и все. Дождлся. Мне же говорили, что за мной здесь наблюдают наши, и вот, пожалуйста! Господи, за что? Больше не выпустят, строгача дадут, а то и положу... Жене туфли не куплены!..

Может быть, и что-то другое выстукивало его сердце, но непременно что-то похожее. Иного просто не было дано.

Он стоял перед Табаковым почти навтыжку. Мне показалось, он сейчас умрет.

Но Табаков уже закончил этюд и, довольный произведенным эффектом, рассмеялся, помолодил и вновь обратился в Лелика.

Он поздоровался с девочками, с дядькой, а поскольку он уже тогда был популярным киноартистом, девочки его узнали.

Пошло братание, «капитан» вытирал пот. Жизнь его была спасена.

Александр СВОБОДИН.